

МАКС ДВОРЖАК

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО
ИСКУССТВА
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Курс лекций

ТОМ I. XIV И XV СТОЛЕТИЯ

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 7.034
ББК 85.103(3Ита)
Д24

MAX DVOŘÁK
Geschichte der italienischen Kunst im Zeitalter der Renaissance
Akademische Vorlesungen
Band I. Das XIV und XV Jahrhundert

Перевод с немецкого и комментарии И. Е. Бабанова

Издание второе, исправленное

Дворжак М.

Д24 История итальянского искусства в эпоху Возрождения : Курс лекций : Т. 1. XIV и XV столетия / Макс Дворжак ; [пер. с нем., коммент. И. Бабанова]. — Изд. 2-е, испр. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 268 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-09459-9

Труд Макса Дворжака (1874–1921), одного из основоположников современных философии, истории и теории искусства, профессора Венского университета. В эту книгу вошли его лекции об итальянском искусстве XIV и XV веков с подробными комментариями переводчика и искусствоведа И. Е. Бабанова.

УДК 7.034
ББК 85.103(3Ита)

ISBN 978-5-517-09459-9

© Бабанов И. Е., наследники, перевод на русский язык, предисловие, комментарии, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ВЫСТУПЛЕНИЕ О КНИГОИЗДАНИИ В КРИЗИСНУЮ ЭПОХУ

Когда в ноябре 1918 года профессор венского университета Макс Дворжак поднялся на кафедру, чтобы прочесть вступительную лекцию к курсу истории итальянского искусства эпохи Возрождения, — курсу этому было суждено заложить основы нашего нынешнего понимания сущности Ренессанса, — он счел долгом обратиться к слушателям со словами утешения. Ибо как раз в те дни наступил финал грандиозного мирового кризиса. Горечь поражения в четырехлетней войне, скорбь по погибшим, разруха и лишения усугублялись падением великой империи, которая недавно еще казалась вечной и незыблемой. И Макс Дворжак нашел мудрые и точные слова. Да, сказал он, трудно сосредоточиться на событиях давних веков, когда мы беспомощно взираем на то, что происходит сегодня и может произойти завтра. И все же из истории можно извлечь утешение и почерпнуть силы и дерзания на будущее. Ибо нации могут быть угнетены, государства поработочены, источники благосостояния перекрыты — но нет такой силы на свете, которая могла бы уничтожить жизнь и расцвет духа там, где они уже проявились или хотя бы только зародились.

Мы сейчас также нуждаемся в словах утешения и надежды. Мы не уверены в настоящем и с тревогой смотрим в будущее. И к тому же при всем сходстве исторических судеб мы отягощены трагическим опытом, который был не-

ведом Дворжаку и его слушателям. Ибо мы знаем теперь, что идеологизированному тоталитарному режиму удастся, если не уничтожить дух, то настолько извратить все сферы его проявления, что в обществе начинает доминировать система фальшивых ценностей, мнимых величин, артефактов. Нас десятилетиями приучали существовать в отравленной атмосфере, в поле псевдокультуры, псевдонауки, псевдоискусства. И духовный потенциал лучших представителей многих поколений был потрачен главным образом на то, чтобы выстоять. Но и это сопротивление, далеко не всегда откровенное и очевидное, принесло свои плоды.

Крах режима совершился ведь не только в политической и экономической сферах, но и в духовной тоже, — здесь выпестованная им система была мертворожденной и поэтому обречена; в конечном счете Дворжак был прав, когда говорил о неизбежном триумфе духа. Однако столь же неизбежным оказалось то, что мы вступили в период острого духовного кризиса: прошлое не могло пройти бесследно, и потребуются длительные и целенаправленные усилия, чтобы преодолеть его.

На мой взгляд, желаемый перелом должен произойти и отчасти уже происходит как раз в книгопечатании и в искусстве книги. Утверждение это может показаться парадоксальным при взгляде на все эти уличные лотки, где по-прежнему самые почетные места занимают неистовая Анжелика и любвеобильная Эммануэль, крутые детективы и курсы всевозможных магий. Но, во-первых, насыщение рынка кичем или «облегченным» чтением имеет свои пределы; рано или поздно издателям придется расширять свой репертуар. Во-вторых, само это нынешнее книжное изобилие является достаточно обнадеживающим симптомом; оно свидетельствует о том, что книжная индустрия, несмотря ни на что, продолжает привлекать деятельных людей. И, наконец: ряд

издательств — например, петербургский «Северо-Запад» — уже уверенно преодолели очень сложный в наших условиях переход от книги как источника прибыли, необходимого для дальнейшего существования, к книге как явлению культуры. И я надеюсь, что недалеко то время, когда мы станем свидетелями и участниками подлинного торжества книги. А это, в свою очередь, будет первым знаком возрождения культуры; на эту иницилирующую роль обрекает книгу ее многозадачность.

Ибо книга двойственна изначально, по самой своей сути. Она, так сказать, и метафизична, и вполне материальна. С одной стороны, книга служит посредником духа, который находит воплощение и предстает перед нами только в книжной форме — будь то философский трактат или роман, сборник стихов или научная монография. С другой стороны, книга является произведением прикладного искусства, плодом совместной деятельности людей самых различных специальностей. И в этом двойственном или, точнее сказать, пограничном существовании книга представляет собой уникальное явление. По форме своей книга чрезвычайно традиционна, даже консервативна; между тем в ее художественном облике всегда найдется место для новаций. Книга погранична и в своем временном существовании; она всегда соотносится с эстетикой своей эпохи и поэтому оказывается одним из наиболее распространенных «говорящих» свидетелей культуры прошлого — наряду с произведениями архитектуры (с которыми, кстати, у книги много общего в духовном и эстетическом плане). Но вместе с тем книга, полностью принадлежа своему времени, зачастую оказывается мощным формообразующим элементом художественной культуры. Действительно, в определенные периоды европейской истории именно книгопечатание и искусство книги вместе с некоторыми другими

видами искусства играет первенствующую роль в формировании нового стиля или, по крайней мере, в воплощении его наиболее значительных и характерных черт. Подобное происходит, в частности, в эпоху классицизма и в отдельные периоды истории искусства новейшего времени.

Отсюда очевидно и все то, что предстоит нам, в той или иной мере причастным к книгопечатанию или искусству книги.

Наш долг — вернуть книге ее роль посредника духа и при этом найти для нее достойные художественные формы. Путь к этому труден, он требует известного самопожертвования; однако другого пути нет, если, конечно, мы осознаем себя строителями новой культуры.

Игорь Евгеньевич Бабанов

Начало 1990-х годов

ВВЕДЕНИЕ

Настоящие лекции посвящены истории итальянского искусства в период, простирающийся от Джотто до смерти Микеланджело. Таким образом, речь идет о двухстах пятидесяти годах художественного развития в Италии, столь длительное время считавшихся той высшей ступенью всей послеантичной эволюции, на смену которой могло прийти лишь движение по нисходящей линии, лишь упадок. Сейчас мы уже полностью отказались от подобной теории подъема и упадка, и потребуются не так уж много слов для доказательства того, что и последующее время — например, период барокко или искусства за пределами Италии — было не менее творчески продуктивным, находилось на той же высоте и обрело ту же значимость в наших глазах, что и итальянское искусство между XIV и XVI веками. Однако, быть может, именно потому, что подобная догматическая оценка Возрождения отныне уже дело прошлого, итальянское Возрождение вновь привлекает наше внимание не только как на редкость своеобразное явление, но и как источник теоретических взглядов на искусство и новшество, сила влияния которых не утрачивается в дальнейшем и простирается до самого последнего времени.

Новизна эта, как бы ни была она многообразна, со времени Якоба Буркхардта обычно выражалась для всех областей духовной жизни в словах «открытие мира и человека».

В эпоху Возрождения — таково было мнение — впервые со времен Античности люди с открытыми глазами начали созерцать красоту мира без препятствий со стороны веры в сверхъестественные силы и без страха перед потусторонним миром; впервые право на свободное развитие личности сделалось путеводной нитью для жизни и для мысли. Новейшие исследователи обычно возражают на это, находя, что такое понимание Возрождения противоречит исторической истине и что многое, восхваляющееся в этом смысле как результат раскрепощающего воздействия Возрождения, развилось еще в Средневековье. В этом перемещении начала Возрождения в глубь веков и в констатации всевозможных «проторенессансов» подчас заходят так далеко, что возникает даже вопрос — что же в таком случае вообще остается на долю Возрождения как такового? Ибо как раз для историка искусства не может подлежать сомнению, что Возрождение означало не только продолжение средневековых достижений, но также и глубокие коренные преобразования, и если при традиционных воззрениях на Возрождение границы этих преобразований не могут быть четко очерчены, то это означает лишь, что старые воззрения были неверными или, по крайней мере, не исчерпывающими.

В дни, когда мысль снова и снова¹ обращается к старой теме Тассо «*cadono le città*»², чрезвычайно трудно сосредоточиться на анализе исторических событий и говорить о том, что происходило пятьсот лет тому назад, когда мы беспомощно смотрим на то, что происходит сегодня и может произойти завтра. С другой стороны, именно в такие годы политического упадка возможно, пожалуй, извлечь

¹ Дворжак произнес вступительную лекцию к своему курсу в начале ноября 1918 года.

² «Рушащиеся города» (итал.).